

Русские Богатыри

Славные подвиги – юным читателям

Иллюстрации Игоря Беличенко

#эксмогемство

Москва
2018

УДК 398.2(=161.1)-93
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
Р89

Р89 Русские богатыри : славные подвиги — юным читателям /
ил. Игоря Беличенко. — Москва : Эксмо, 2018. — 280 с.: ил.

УДК 398.2(=161.1)-93
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-699-60079-3

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

СТАРИШЕ БОГАТЫРИ

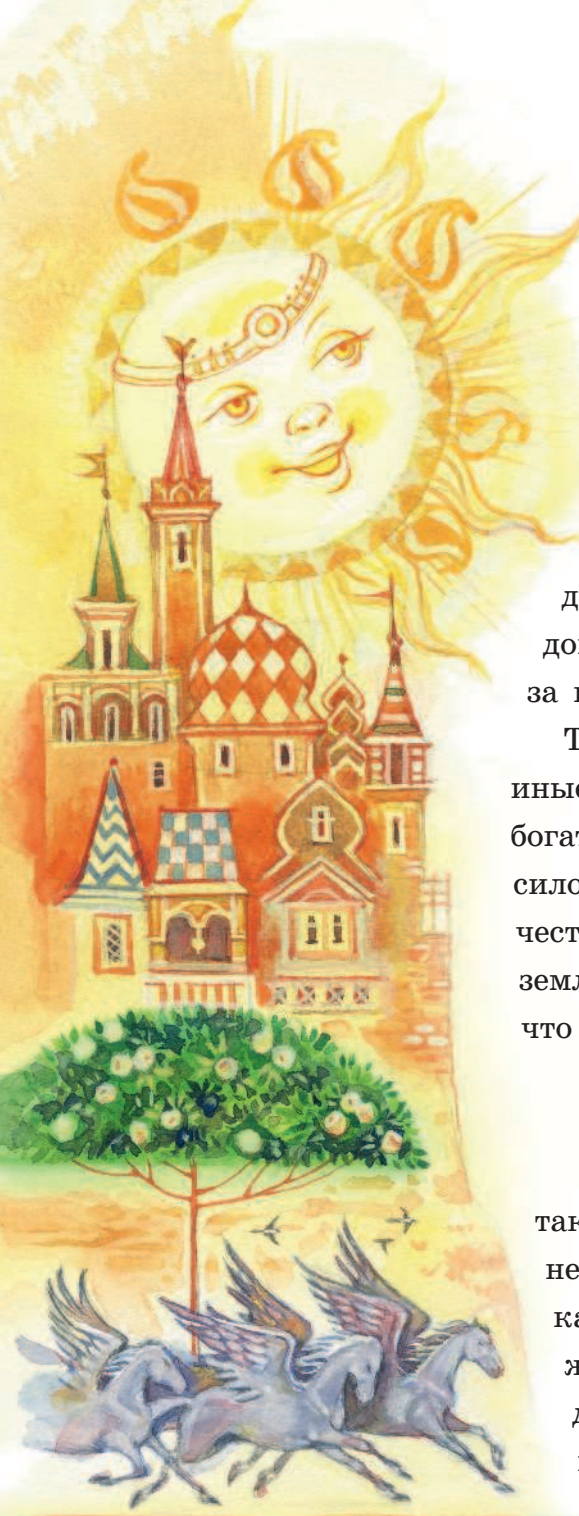
ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВИЧ

Давным-давно это было, так давно, что старики не упомнят, а знают только понаслышке от своих дедов да прадедов.

Где теперь города стоят, где сёла да деревни пестреют, — там сплошь леса тянулись, густые да дремучие, и нельзя в них было ни пешком пройти, ни верхом проехать; глубокие, могучие реки растекались во все стороны, по берегам их раскинулись такие широкие поля, что и глазом не окинуть. Повсюду овраги да ямы, а в них змеи лютые кишмя кишат.

Дорог одна-две да и обчёлся, и дороги-то прокладывались не по-нынешнему: прорубят в лесу просеку, забросают хворостом овраги, где ручей случится — шаткий мост на столбиках перекинут, а через реку на скорую руку перевоз заведут — вот и путь готов.

А в лесах-то всякого зверья полным-полно: и медведи, и лисицы, и волки, и туры рогатые с косматой гривой, и вепри, — без рогатины да без лука нельзя было и в путь выехать. Но не одного зверья боялся проезжий: бродили по дорогам разбойники, нечисть всякая, и змеи-горынычи, и колдуны, и оборотни. Кто выезжал из дому, тому уж приходилось трусость за печью оставлять.

Тогда, впрочем, и люди-то были иные, не нынешним чета: жили на свете богатыри да витязи, славились они своей силою непомерной, удалством, молодечеством. Про них прошла молва по всей земле русской, долетела и до нас, даром что с тех пор столько веков утекло.

* * *

Стоит высоко на небе широкий двор, такой, что глазом не окинуть, вокруг него железный тын с золотыми маковками, на каждой маковке блестит по жемчужине. Посреди этого чудного двора три терема: один — из чистого золота, другой — из чистого серебра, а третий — хрустальный.

В золотом тереме живёт красное солнышко, в серебряном — светлый месяц, а в хрустальном — их детки, частые звёздочки.

Солнышко всему жизнь даёт, всех греет, всем улыбается. Месяц светлый выглянет в тёмную ночь из своего серебряного терема и осветит мрачные дебри лесные, реки широкие, дороги проезжие; запоздалый путник спешит домой под его мягкими добрыми лучами и воздаёт славу государю-месяцу светлому. А детки их, звёздочки белые, приветливые, с ясными зорьками играют, студёной росой умываются.

Любило красное солнышко людей, заботилось о них, зато и от людей были ему и почёт, и слава: лишь только за светит оно по-весеннему, с полудня, люди в честь его костры зажигают, песни поют да пляшут. Молодёжь хоровады водит, солнышко в песнях просит, чтобы оно милостиво взглянуло на рожь с корнем глубоким, с хлебом обильным, чтобы принесло всем радость и веселье. Проглянет солнышко ярким лучом с неба — всем станет радостно, а скроется за тёмной тучей — нахмурится небо, подует холодом с севера, и люди затоскуют, слезами обольются да запоют горестно:

Солнышко, ведрышко!
Выгляни в окошечко,
Твои детки плачут...

Ушло красное солнышко в свой златоглавый терем, вышел на небо светлый месяц, рассыпались по небу их детки — частые звёздочки, о ту пору народился могучий богатырь, Вольга Святославич. Вся земля содрогнулась, всколе-

балась; всколыхалось синее море; звери разбежались кто куда мог: рогатые туры и быстроногие олени попрятались в горы, волки и медведи разбрелись по ельнику, куницы и соболя на острова уплыли; зайцы и лисицы в чащу забились; птицы полетели высоко в поднебесье, рыба на глубину ушла, все почувяли, что родилось не простое дитя, а лежит в колыбельке из дорогого рыбьего зуба, под шелкóвым пологом, могучий богатырь.

Мать его, молодая княгиня Марфа Всеславьевна, на него не налюбуется, пеленает его в дорогие пелены, свивает шелкóвым поясом, баюкает на груди своей, поёт ему колыбельные песни тихие.

Вольга растёт не по дням, а по часам. Только полтора часа и полежал он в колыбели, а уж вырос на полтора года; никто его ещё и лепетать не учил, а он сам собой говорить научился и молвит княгине:

— Родимая матушка, не пеленай ты меня в пелены, не вяжи поясами шелкóвыми, пеленай ты меня в латы железные, на голову надевай мне шлем из чистого золота, а в руки дай мне тяжёлую палицу.

Дивуется на него мать, а он растёт себе да растёт. В семь лет стал он таким богатырём, каких мало. К тому же научился он и читать, и писать, и всем хитростям, премудростям да языкам разным заморским — скоро и учителей своих перегнал.

Пришёл он к матери.

— Родимая, — говорит, — мало мне того, чему меня учителя научили, хочу я и другим премудро-

стям выучиться: чтобы мог я, когда вздумаю, обернуться ясным соколом, по поднебесью летать, красное солнышко вблизи видеть, чтобы умел я обернуться серым волком, пробраться в чащу лесную заповедную, или буйным туром — золотые рога, мериться силой со всяким зверем.

Отпустила его мать к ведунам, волхвам, научился он от них всяким премудростям, в два года всё понял, всё уразумел, чего другому бы и на всю жизнь хватило.

В двенадцать лет стал Вольга скликать дружину. Три года собирались к нему молодые витязи, кто с севера, кто с юга, все такие же рослые, крепкие, как он сам. Набралось их двадцать девять молодцев, а сам Вольга тридцатый. Всем им только что исполнилось по пятнадцати лет, у всех добрые, верные кони, меткие стрелы, острые мечи, а главное — удаль молодецкая. Горят у них сердца ретивые, хотят витязи силу да храбрость показать, хотят добыть себе такой славы, чтобы прогремела она по всей земле русской.

Простился Вольга с матушкой и выехал с дружиною в чисто поле. Не ехали за ними ни повозки с припасами, ни повара с поварёнками, не везли они с собою ни постелей, ни поклажи, ни челяди, — не нужны они храбрым витязям. У них в колчанах довольно стрел, чтобы бить птиц да мелких зверей, а на большого зверя каждый готов выйти один на один с крепкой палицей. И постели им не надобны: спят они на голой земле, а под голову седло подкладывают. У пояса есть у них огниво: высекут огонь да разведут костёр в поле — и отогреются, и дичину испекут на углях, а запивают студёной водою из ручья быстрого.

Гуляют витязи по чисту полю и день, и два. Посылает Вольга своих молодцев в лес, зверья наловить:

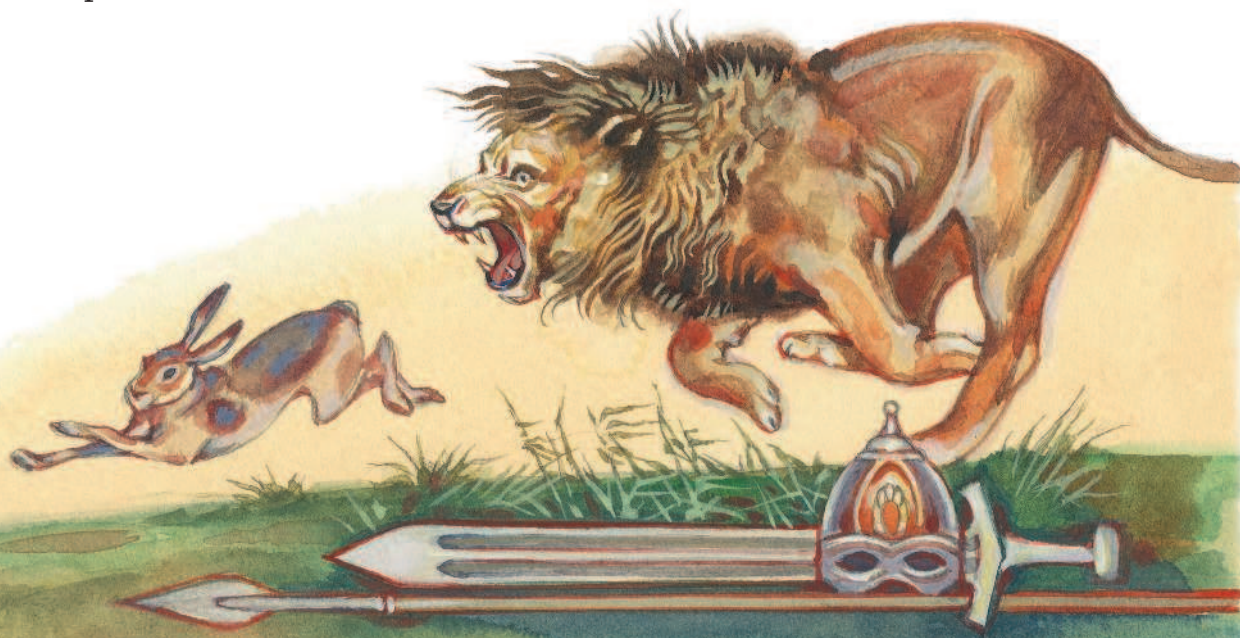
— Гей вы, дружинники храбрые, вейте верёвочки шелкóвые, ставьте их по тёмному лесу, ловите куниц, лисиц, чёрных соболей.

Разбрелись они, рассыпались по лесу. Ждёт-пождёт Вольга три дня и три ночи, приезжают молодцы с пустыми руками:

— Не попалась нам ни одна куница, не повстречалась ни одна лисичка, не запутался в тенётах ни один горностаюшка.

Ударился Вольга оземь, оборотился могучим львом, в три прыжка скрылся в дебрях лесных и вмиг наловил всякого зверья: и буйного тура рогатого, и куниц, и соболей, и барсов, и лисиц, и медведей; не побрезговал и зайчишкой сереньким — всего понабрал. Поделили они добычу, попиروвали, и в другой раз посылает Вольга своих витязей:

— Наставьте вы силков в лесу, наловите гусей, лебедей, соколов да мелкой птички, а я буду ждать вас три дня и три ночи.

Рассыпались витязи по лесу, наставили сетей да силков, думали много поймать, а не добыли даже и мелкой пташечки. Воротились они, повеся головы, к Вольге, а он их утешает:

— Не кручиньтесь, будет у нас всякая птица.

Ударился оземь и оборотился ловчей птицей. Поднялся высоко-высоко, как стрела налетел на всякую птицу, большую и малую. Бьёт он гусей, белых лебедей, не даёт спуску и малым серым утицам, только пух от них летит по поднебесью. Вернулся Вольга к витязям с такой добычей, какой они и во сне не видывали. Надолго хватило им, а как вышел запас, посылает их Вольга в третий раз:

— Други мои верные, возьмите-ка вы топоры, постройте дубовое судно, забросьте-ка в море шелкóвые невода, наловите рыбы — осетрины, белужины; три дня и три ночи буду я вас поджидать.

Забросили витязи невода, а рыба-то вся в глубину забралась, сидит на дне да над молодцами подсмеивается: коротки, мол, руки у вас, не достанете.

Сидели, сидели они у моря, просидели три дня и три ночи, ни одной плотички, ни одного лещика не поймали.

Воротились к Вольге, не смеют и глаз на него поднять, а он уж всё знает.

— Что, — говорит, — плохой лов? Ну, не тужите, я вам всего достану.

Обернулся щукой зубастой, нырнул в самую глубь, погнался за всякой рыбой, наловил и стерлядей, и осетров, и белуг, и севрюг — хватило им надолго.

Поит, кормит Вольга свою дружину храбрую, одевает их, обувает по-княжески: носят они шубы соболиные, на перемену есть у них и шубы барсовые. Дружинушка на него надивиться не может, не знают, как его удачу и хваливать.

Прослышал Вольга, что турецкий царь Салтан Бекетович собирается идти войной на Русь православную. Разгорелось его сердце молодецкое, созвал он своих витязей и говорил таковы слова:

— Дружинушка моя храбрая! Кто из вас сослужит мне службу верную — обернётся гнедым туром, сбегает в землю турецкую, узнает, что царь Салтан замышляет, о чём со своей женой Азвяковной советуется.

Молчит дружина, ни один удалый молодец не вызывается, прячутся они друг за друга: старший — за среднего, средний — за младшего, а младший и рта открыть не смеет.

Разгневался Вольга:

— Видно, надо мне самому идти! Ждите меня, витязи, я вмиг слетаю и разведая, какую царь Салтан думу думает.

Обернулся Вольга маленькой пташкой, полетел в царство турецкое, сел на окошко к царю Салтану. Слышит он, как царь Салтан говорит своей жене Азвяковне:

— Я пойду на Русь, возьму девять городов, раздам девяти сыновьям, а сам сяду княжить в Киеве.

— Не бывать тебе на Руси, — отвечает Азвяковна, — не взять и девяти городов, не видать и Киева: родился там такой богатырь, что тебе с ним не совладать, а зовётся он Вольгой Святославичем.

Рассердился царь Салтан, ударил царицу плёткою, а Вольга обернулся горностаем, пробрался в подвалы и погреб царские да и перепортил всё оружие: тетивы у тугих луков перегрыз, железа у калёных стрел побросал.

Потом обернулся серым волком, пробрался в конюшни и передушил всех коней.

Полетел он маленькой пташкой к дружине, разбудил своих добрых молодцев и повёл их на царя Салтана.

Подошли они к Салтанову царству, а вокруг него — стена высокая, каменная. Ворота в стене железные, засовы медные, у ворот часовые стоят день и ночь — человеку не пройти и не проехать, только махонький муравеюшко может в щёлку под теми воротами пролезть.

— Как же мы попадём в Салтаново царство? — опечалились витязи.

А Вольга не кручинится: ударился оземь, обернулся мурашиком и всех своих добрых молодцев, а их было до семи тысяч, тоже обернул мурашиками, все они и проползли в щёлку под воротами. Как встали по ту сторону стены, обернулись снова витязями с конями и с оружием. Прошли они по

всей земле турецкой, стали рубить, да колоть, да жечь, так и перевели всю силу Салтанову. Сам Салтан в свой дворец убежал, за железными дверьми спрятался. Толкнул Вольга ногой дверь, все запоры повышиб и вошёл к Салтану.

— Не бывать тебе, Салтан, на Руси, не княжить тебе в Киеве! — сказал он и так ударил его о кирпичный пол, что расшиб его до смерти.

Поделил Вольга всё богатство Салтаново между своей дружиной: много они добыли и золота, и серебра, и дорогого оружия, и коней, и разноцветных тканей. Не нахвалятся дружинники своим князем, да и есть чем: всегда они у него и сыты, и одеты, и обуты, а слава о них по всему свету прошла, до наших дней дожила.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Поехал Вольга со дружиною за данью-податью в города Гурчевец, Ореховец и Крестьяновец — их он в подарок получил от дяди своего, великого князя Киевского, Владимира Красное Солнышко.

Выехали добры молодцы в раздольно чисто поле и слышат: где-то в поле оратай пашет. Понукает оратай свою лошадь, скрипит его соха, а самого пахаря не видно. Едут они день, едут другой, едут с утра до вечера и всё не могут доехать до оратая.

Третий день к вечеру клонится, тут только доехали они до оратая. Видят: взрывает он сохой борозды на поле, да такие, что как в один край уедет, то другого и не видать; огромные корни вывёртывает, камни-валуны в борозду валит. Кобыла у него соловая, невзрачная, соха кленовая, а гужи шелковые.

Поклонился Вольга пахарю:

— Бог на помощь, оратаюшка!

— Спасибо, Вольга Святославич, — отвечал оратай, — мне в моём крестьянском деле без Божьей помощи не обойтись. А ты куда путь держишь?

— Да еду в свои города за данью-податью.

— В городах твоих живут всё разбойники, денежки за проезд испрашивают, и чем больше им даёшь, тем им больше хочется. Я недавно ездил туда за солью и заплатил им плёткой: который стоял — тот сидит, а который сидел — тот лежит.

— Поедем со мною, оратаюшка, — позвал его Вольга.